

О самой Антонине Ефимовне (16.02.1893–?) также известно очень немного. Ее мать и супругу Ефима Карповича звали Евдокия Дмитриевна. Антонина Ефимовна окончила Василеостровскую женскую гимназию, получила звание домашней учительницы¹⁶. В 1915 году поступала в Санкт-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано¹⁷, но остается неизвестным, состоялось ли поступление, и был ли окончен курс. Не установлено, получил ли Ефим Карпович неожиданное известие от своей дочери, и состоялась ли их встреча в реальности.

Литература

1. Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга памяти // Возвращенные имена. Электронная книга памяти. Российская национальная библиотека — официальный сайт. URL: http://www.visz.nlr.ru/search/lists/blkd/234_1009.html (дата обращения: 05.03.2015).
2. *Музалевский В. И.* Записки музыканта. Л.: Музыка, 1969. 216 с.

¹⁶ ЦГИА, ф. 361, оп. 2, д. 3376. Личное дело Корзун А. Е. Л. 3. Аттестат на звание домашней учительницы от Министерства Народного Просвещения; Л. 4. Аттестат Василеостровской женской гимназии.

¹⁷ Там же. Л. 1. Прошение о принятии в Консерваторию на старший курс по классу фортепиано.

¹⁸ Архив СПбГК. Опись дел по личному составу. Дело № 109. Личное дело Корзуна Е. К. Л. 77. Характеристика начальника хозяйственной части от 07.04.1941.

Долгая и интересная жизнь Ефима Карповича Корзуна, к сожалению, мало отражена в документах, а ведь уже из кратких строк автобиографии видно, что этот человек, служивший в консерватории с момента основания, был ее живой легендой. Неслучайна оценка деятельности Корзуна в одном из документов: «Прекрасный мастер своего дела. Повседневно следит за состоянием клавишных инструментов. Очень болезненно переживает неряшливое, а подчас варварское отношение к инструментам со стороны некоторых студентов»¹⁸.

Matvei NAZAROV Boris Holtz: One of those who passed away...

An article about the Leningrad composer Boris Holtz. The text based on the archive documents elucidates the composer's biography, his studies at the Leningrad Conservatory and his activities in the context of musical life of besieged Leningrad.
Key words: Boris Holtz, Valerian Bogdanov-Berezovsky, Venedict Pushkov, Leningrad Conservatory, siege of Leningrad, the Baltic Fleet.

Матвей НАЗАРОВ Борис Гольц, ушедший из жизни...

Статья о ленинградском композиторе Б. Г. Гольце. В статье кратко освещены биография Гольца, его обучение в Ленинградской консерватории (на основе архивных документов), деятельность в контексте музыкальной жизни блокадного города.
Ключевые слова: Б. Г. Гольц, В. М. Богданов-Березовский, В. В. Пушков, Ленинградская консерватория, блокада Ленинграда, Балтийский флот.

Студенты Ленинградской консерватории предвоенного поколения воспринимаются нами, нынешними, как правило, по рассказам наших профессоров и бережно передаваемым воспоминаниям их учителей. Одна из самых незаурядных творческих личностей тех лет — Борис Гольц. Имя этого музыканта стало легендой и сохранилось в памяти консерваторцев благодаря его замечательной музыке. Талантливый музыкант, он совмещал обучение на двух факультетах (фортепианном

и композиторском); окончил консерваторию в 1940 году. Как отметил пианист Александр Данилович Каменский, накануне Великой Отечественной войны молодой музыкант получил оружие, «которое вложила... в руки жизнь» [5, с. 228]. До последних дней своей трагически короткой жизни Гольц писал музыку.

О жизни Гольца известно немного — многие документы потерялись в войну. Отчасти сведения о нем представлены в документах Архива Санкт-Петербургской

Борис Гольц

государственной консерватории¹. К этому можно добавить отдельные воспоминания о композиторе и публикации, посвященные его деятельности в блокадном Ленинграде.

Борис Григорьевич Гольц родился 29 декабря 1913 года в Ташкенте. В детстве он начал заниматься на фортепиано у пианистки Н. Гилевой. Вероятно, тогда же он начал сочинять музыку.

В 1927 году семья Гольца переехала в Ленинград; здесь начались его серьезные музыкальные занятия. С 1928 года он обучался в Центральном музыкальном техникуме (сейчас — Музыкальный колледж им. М. П. Мусоргского) в классе фортепиано М. Бариновой [см. об этом: 10, с. 26; 4, с. 259]. Параллельно он занимался в Первом музыкальном техникуме на инструкторском отделении. Тяжелое материальное положение семьи вынудило Гольца (так же как и Шостаковича в начале 1920-х годов) пойти работать тапёром в кинотеатр [11, с. 3–4].

В 1932 году Гольц поступил в Ленинградскую консерваторию на фортепианное отделение (класс профессора Л. Николаева), которое он окончил в 1938 году с дипломом второй степени. Талант пианиста повлиял на развитие Гольца как композитора [см. об этом: 4, с. 260]. Будучи студентом фортепианного факультета, он проходил гармонию у Венедикта Венедиктовича Пушкива, который и обратил внимание на способности юноши к композиции. Ю. Н. Тюлин отмечал, что «дарование его было настолько значительно, что ему, например, не требовалось проходить полный курс гармонии и анализа музыкальных форм. Он все это постиг сам. То же самое подтверждает и В. В. Пушков» [там же].

В 1934 году Гольц начал обучение на композиторском факультете консерватории. Интересна запись комиссии, в составе которой были Ю. Н. Тюлин, М. О. Штейнберг, М. М. Чернов, П. Б. Рязанов, о вступительных испытаниях Гольца (вписана в личную карточку учащегося): «яркие композиторские данные»². Затем на композиторском факультете Гольц занимался гармонией у Ю. Н. Тюлина, полифонией — у Х. С. Кушнарёва, инструментоведение и оркестровку проходил у М. О. Штейнберга.

Архивные документы свидетельствуют, что по специальности и практическому сочинению Гольц учился в классе Б. В. Асафьева, однако большинство авторов пишет о том, что преподавателем молодого музыканта по практическому сочинению был В. В. Пушков [см., например: 4; 3; 8; 11]³.

За время обучения в консерватории Гольц написал значительное число произведений. Многие из них сразу стали репертуарными, как, например, 24 прелюдии для фортепиано. К сожалению, многие произведения Гольца утрачены. Не дошло до нас и его дипломное сочинение — первая часть Фортепианного концерта. Сохранился только критический отзыв М. И. Чулаки⁴ в журнале «Советская музыка». Отмечая безусловную одаренность молодого музыканта и многочисленные достоинства предшествующих его работ, Чулаки беспощаден к слабому, на его взгляд, фрагменту произведения: «Концерт явно неудачен по форме, шумлив и однообразен по фактуре: многие хорошие частности тонут в „разлитом море“ избыточного фортепианного звучания. Вообще на концерте лежит печать какой-то несобранности и технической недостаточности; Гольцу не удалось свести концы с концами даже и в тональном плане своего сочинения. В целом музыка концерта показала, что Гольцу недостает необходимых сочинительских навыков, обычно именуемых „школой“. Оказывается, что в консерватории Гольц был фактически предоставлен самому себе, лишен систематического руководства и даже кончал факультет „от себя“(!).

Надо сказать, что пренебрежение к систематическому техническому образованию или недооценка его вообще были одно время распространены среди некоторой части композиторской молодежи. Это поветрие затронуло даже такого серьезного, обладающего выдающимися музыкальными данными композитора, как Гольц. Он рано осознал себя производственным и вскоре подменил систематическую учебу „плановой“ работой для издательств, кино, эстрады... В результате, переставая овладевать композиторскими навыками, он неизбежно должен был пойти назад. Думается, что Гольц сделает необходимые выводы из полученного им урока и серьезной работой наверстает упущенное» [12, с. 80].

Не имея в настоящее время возможности проверить оценку критика, обратим внимание на упоминание «плановой» работы композитора-«производственника». Ни Гольц, ни Чулаки, скорее всего, не догадывались, как это откликнется буквально в следующем году в связи с началом войны.

Для сравнения обратимся к вышеупомянутой характеристике учителя Гольца (1939): «...С первых шагов своего обучения т. Гольц сочинял вещи, которые... получили общественное признание. Причиной этому служат совершенно исключительные музыкальные данные: высокий уровень музыкального развития, прекрасный

¹ Архив СПбГК. Личные учебные карточки окончивших и отчисленных студентов историко-теоретического и композиторского отделений 1940–1945, б/н. Л. 136–142; Личные карточки студентов и аспирантов 1912–1944. № 5 «Г». Л. 46–47.

² Архив СПбГК. Личные учебные карточки окончивших и отчисленных студентов историко-теоретического и композиторского отделений 1940–1945. Л. 136.

³ В 1934 году, когда Б. Г. Гольц приступил к систематическим занятиям композицией, В. В. Пушков был ассистентом проф. Б. В. Асафьева [10, с. 26].

⁴ Михаил Иванович Чулаки (1908–1989) — советский композитор, музыкальный деятель и педагог. В 1960-х годах был директором и художественным руководителем Большого театра, с 1962 — профессором МГК им. П. И. Чайковского. Автор книги «Инструменты симфонического оркестра» (последнее издание — СПб.: Композитор, 2004. 220 с.).

пианизм, абсолютный слух, блестящие композиторские способности, свободное владение гармонией... и, наконец, большая и смелая творческая фантазия.

В процессе занятий со мной т. Гольц проявил большую трудоспособность, внутреннюю дисциплину, упорство в разрешении поставленных перед ним проблем, скромность и полное отсутствие самоуспокоенности, недовольство достигнутым, стремление двигаться вперед и никогда не покидающее его творческое „горение“.

...Все эти качества позволяют заключить, что тов. Гольц обещает быть композитором крупного масштаба»⁵.

Автор брошюры о композиторе пишет: «Человек тонкого юмора, живой и универсально одаренный, Гольц был общителен, обладал открытой душой. По словам Г. В. Свиридова, „у него был жизнелюбивый талант“» [4, с. 264].

Характерной чертой Гольца была его рассеянность. В. В. Пушкин вспоминает историю, когда они в 1937 году вместе с Гольцем поехали в Крым для работы над музыкой к фильмам (Гольц — к «Шахтерам» С. Юткевича, Пушкин — к «Тайге золотой» Г. Казанского и М. Руфа). В начале этой поездки Гольц потерял деньги и документы, а позже, переезжая в другой город, чуть не забыл ноты [4, с. 262].

Сохранились воспоминания, характеризующие творческую работу Гольца: она «совершалась почти непрерывно» [11, с. 6], «он мог выключаться из окружающей среды в любой обстановке. [...] Вместе с тем сочинение давалось ему с трудом, так как он был требователен к себе до придирчивости. Талант его поражал всех» [4, с. 260].

Во время учебы Гольц писал разные произведения. Кроме упомянутых выше 24 прелюдий для фортепиано, им создано большое количество фортепианных опусов (Скерцо, Интермеццо, Юморески и пр.), пьесы для сольных инструментов с фортепиано (скрипичные, виолончельные и пр.), музыка к фильму «Шахтеры», оркестровая сюита, составленная из номеров, не вошедших в фильм, струнный квартет, романсы на стихи Пушкина, Блока, массовые песни (например, «Сибирские реки» на слова В. Саянова, «Призыв» на слова Б. Лихарева), музыка к спектаклю «Ночной смотр» В. Шкваркина⁶, Фортепианный концерт, «Приветственная (Праздничная) увертюра» для симфонического оркестра и др.

Многие из этих произведений «заяли прочное место в советском музыкальном репертуаре и часто входят в программы виднейших музыкантов-исполнителей (Софроницкий, Серебряков, Разумовская, Перельман)»⁷.

Сведения о консерваторском периоде жизни Гольца весьма скупы:

— в 1935–36 гг. он получал дополнительную стипендию из фонда Бородина в размере 70 рублей в месяц⁸;

— у Гольца-студента были некоторые академические задолженности: в 1935 — по немецкому языку и инструментоведению⁹, в 1936 — по практическому сочинению¹⁰;

— Приказом по Консерватории № 34 от 14 мая 1935 года Гольцу был «объявлен строгий выговор с занесением в личное дело (набрал окурки и мусор на рояль и на пол во время занятий)»¹¹.

Информация о семье Гольца практически отсутствует. В Архиве СПбГК представлены сведения о его социальном положении: «сын служащего»¹². В учебной карточке за 1934 год в графе семейное положение указано «женат»¹³, а в 1936 году, спустя два года, — «одинок»¹⁴.

Вероятно, еще во время учебы Гольц тяжело болел. В архивных материалах значится: «Приказ 148 от 2.VII-39. Оставлен на 2-й год (по специальности) по болезни, согласно заявления и справки о болезни»¹⁵. Скорее всего, эта болезнь и подточила организм Гольца, не перенесшего самую суровую блокадную зиму.

Великую Отечественную войну Гольц встретил в Ленинграде. По свидетельству В. В. Пушкина, у молодого музыканта была возможность эвакуироваться, которой он не воспользовался: «„Ленфильм“ отправлялся на пароходе по Мариинской системе. Пушкину, его жене и Гольцу были предоставлены на нем места, но в последние дни перед отправкой Гольц исчез. После долгих поисков Пушкин застал Бориса в Союзе композиторов за биллардом. Уезжать из Ленинграда Борис отказывался. [...] Это был последний речной транспорт, покидавший город» [4, с. 264]. Оставшись в Ленинграде, Гольц вступил в группу композиторов Балтийского флота.

В июле 1941 года Политическое управление Краснознаменного Балтийского Флота (Пубалт) приняло решение об организации группы композиторов со специальным заданием: «отразить в музыкальных произ-

⁵ Архив СПбГК. Личные учебные карточки окончивших и отчисленных студентов историко-теоретического и композиторского отделений 1940–1945, б/н. Л. 142.

⁶ Василий Васильевич Шкваркин (1894–1967) — русский драматург, автор исторических драм и комедий. Пьеса «Ночной смотр», 1936 (в последующей редакции — «Весенний смотр»), была поставлена в 1937 году в Ленинградском театре комедии.

⁷ Архив СПбГК. Личные учебные карточки окончивших и отчисленных студентов историко-теоретического и композиторского отделений 1940–1945, б/н. Л. 142.

⁸ Там же. Л. 140. Для сравнения можно отметить, что максимальная зарплата рабочего в СССР в 1935 году составляла 170 рублей.

⁹ Там же. Л. 140.

¹⁰ Там же. Л. 137.

¹¹ Там же. Л. 140.

¹² Там же. Л. 140.

¹³ Там же. Л. 136.

¹⁴ Там же. Л. 140.

¹⁵ Там же. Л. 138.

ведениях героические дела, жизнь и быт балтийских моряков с целью создания репертуара для флотских исполнительских коллективов и художественной самодеятельности» [9, с. 20]. Основной задачей композиторов было написание песен на военно-морскую тематику, а также воспитание новых музыкальных кадров. В частности, в последние годы войны песни писали, кроме композиторов-профессионалов, А. Мелихов (хормейстер флотского ансамбля), М. Полянский (концертмейстер ансамбля), В. Никитенко (морской зенитчик). Руководителем этой творческой группы был назначен Лев Моисеевич Круц (1907–1950) — композитор и скрипач, ответственный секретарь Ленинградского союза композиторов.

Изначально в состав творческой бригады Пубалта входили как военнообязанные композиторы, жившие на казарменном положении и носившие флотскую форму, так и «гражданские» лица. «Военными „пубалтовцами“ были Л. Круц, В. Витлин, Н. Минх, Н. Будашкин, А. Соколов-Камин. Гражданскими — М. Юдин, Д. Прицкер, Б. Гольц. Первые два из „гражданской тройки“ эвакуировались в середине первой блокадной зимы. В Ленинграде с военными пубалтовцами остался один Гольц» [6, с. 128].

Результатом деятельности этой творческой группы явилась серия песенных сборников под названием «Песни Краснознаменной Балтики». В период с 1941 по 1944 год вышло 12 (!) сборников, в каждом из которых было напечатано от 9 до 12 песен с фортепианным сопровождением. Первый сборник подписан в печать 1 сентября 1941 года, последний — 31 декабря 1944 года [9, с. 20–25]. Таким образом, за три с половиной года только в этой серии сборников было издано более 100 песен, причем большинство нот печаталось в период блокады.

Сам факт нотных изданий в блокадном Ленинграде заслуживает особого внимания. В те дни, когда жизнь в буквальном смысле зависела от напечатанных хлебных карточек, а судьбоносные новости с фронта печатались в сводках и газетах, в Ленинграде продолжалось нотопечатание. В воспоминаниях композитора М. Матвеева запечатлелись условия той самой суровой, первой блокадной зимы, в которых продолжали издаваться ноты: «С начала войны Ленинградское отделение Музгиза выпустило три сборника: „Песни Краснознаменной Балтики“ (совместно с Пубалтом), сборники песен „В бой, ленинградцы!“ и „За Родину“ (однострочник), ряд песен в отдельном издании. Однако в зимние месяцы работа издательства остановилась. [...]

Возобновление деятельности Музгиза представлялось крайне трудной задачей. [...]

Вероятно, не бывало еще, да надеюсь, и не будет больше примера, когда директор Музгиза, отдавая дань организационной беготне, вечером садился бы при свете копилки вычерчивать ноты, рисовать титулы

и обложки, а наутро, в качестве выпускающего бежал в типографию, где помогал травить цинковые клише и приправлять печатные формы. [...]

В издательство „Искусство“ я перевелся в августе 1942 года: в силу ряда производственных причин горком партии принял решение перевести туда нотоиздательскую работу, образовав музыкальный отдел, а Ленинградское отделение Музгиза временно законсервировать.

С переходом в „Искусство“ производственные возможности выпуска нот значительно улучшились» [6, с. 115–118].

В сборниках «Песни Краснознаменной Балтики» представлено в общей сложности 10 песен Гольца. «Песня о Бринько¹⁶», «Балтийская-артиллерийская» и «Вот какой храбрец» вышли во втором сборнике (подписан в печать 31 октября 1941 года); «Балтийский комиссар» — в третьем (подписан в печать 12 декабря 1941 года); «Песня гнева», «Готовьтесь, балтийцы, в поход» и «Клятва» — в пятом (подписан 27 мая 1942 года); «Мечь балтийцев», «Песня 3-го гвардейского полка», «Светит в небе звездочка» — в шестом сборнике (подписан в печать 25 августа 1942 года).

Союз композиторов Ленинграда продолжал собираться для обсуждения новых сочинений и «на протяжении всей блокады регулярно проводил конкурсы на лучшие сочинения, а чаще всего, на песню и марш — эти музыкальные жанры в то время были наиболее популярны.

По традиции эти конкурсы связывались с годовщиной Октября или с днем Красной Армии. [...] В феврале 42-го жюри отметило новые песни Н. Будашкина, Б. Гольца, М. Юдина, А. Лемана, В. Богданова-Березовского» [2, с. 94].

Песни Б. Гольца оценивали очень высоко, это подтверждается заметками в периодической печати. 5 октября 1941 года, «Ленинградская правда» писала: «Вчера президиум Ленинградского Союза композиторов собрался для того, чтобы просмотреть новые песни, посвященные подвигам моряков Краснознаменной Балтики, сражающихся на подступах к Ленинграду» [6, с. 11]. Среди одобренных песен была и «Песня о Бринько» Б. Гольца.

19 декабря 1941 года: «Выпущен в свет музыкальный сборник „В бой, ленинградцы!“, посвященный героическим защитникам Ленинграда. В него вошли новые оборонные песни Б. Гольца, В. Желобинского, Г. Носова, Ю. Кочурова, А. Пейсина, Г. Попова, Д. Прицкера, М. Фрадкина и других ленинградских композиторов» [6, с. 12].

28 февраля 1942 года: «Закончился конкурс на лучшую военную песню и военный марш..., организованный... в честь 24-й годовщины Красной Армии. [...] Жюри под председательством... Б. В. Асафьева присудило премии за лучшую песню композиторам Н. Будашкину

¹⁶ Петр Антонович Бринько (1915–1941) — советский летчик-истребитель, участвовал в обороне Ленинграда. Герой Советского Союза.

кину, Б. Гольцу, М. Юдину, А. Леману и В. Богданову-Березовскому» [6, с. 17].

Песни Б. Гольца издавались и помимо сборников Краснознаменного Балтийского Флота: «Месяц спустя [в начале августа 1941 года.— М. Н.] сообщается о новых песнях ленинградских авторов. Среди названных — „Марш славы“ и „В поход“ Б. Гольца» [1, с. 32]. Песни Гольца издавались и на отдельных открытках [8, с. 77].

Однако творческое напряжение и невыносимые блокадные условия серьезно сказались на и без того пошатнувшемся здоровье Гольца. Его состояние в тот период запечатлел В. Богданов-Березовский в своих заметках: «Мне довелось несколько раз встретиться с Гольцем, которого я хорошо, хотя и не близко, знал еще в предвоенные годы. [...]

Училище имени Фрунзе, где квартировали пубалтовцы, находилось совсем рядом с домом Академии наук, выходявшем боковым фасадом на Девятую линию, а основным — на набережную Невы. [...] Тут подчас и случались наши встречи с Гольцем.

Подверженный туберкулезному заболеванию, он к тому времени был сильно истощен от голода. Одинокорно поражали как его худоба, почти неправдоподобная, так и мертвенная бледность, бескровность лица и рук. Он почти не снимал странной длиннополой шубы с черным воротником из какого-то дешевого меха. Видимо, зябнул. Глаза его горели нездоровым, лихорадочным блеском.

Надо учесть, что как „вольнонаемный“ он мог пользоваться довольствием в офицерской столовой лишь от случая к случаю, когда его премировали обедом

за удачно выполненное творческое задание или просто предоставляли возможность подкрепиться ввиду его болезненного состояния. Без сомнения, психика его была подавлена. Он говорил мало. Речь его была отрывистой, раздраженной. Но, когда в разговоре мы касались вопросов музыки и работы композиторов, он „отходил“, восторгался тем, что его товарищи, как он выражался, „делают невозможное“.

— Вот, если только выживем, когда вернутся наши из эвакуации, я буду всем рассказывать о вас, Кочурове, Евлахове, Лемане, Рубцове, Животове, Леви, Каменском. Как это замечательно — все, что вы делаете! И как это, в сущности, необъяснимо!» [6, с. 128–129].

28 февраля 1942 года Гольц получил премию в конкурсе Союза композиторов на лучшую военную песню (см. выше). Это произошло незадолго до его смерти.

В. Богданов-Березовский вспоминает: «Несколько дней он не появлялся в здании Училища имени Фрунзе, и обеспокоенные товарищи решили послать нарочного к нему на дом. Там найден он был в своей комнате мертвым. Предельное напряжение сил оборвало эту одухотворенную, насыщенную творческим горением жизнь» [6, с. 131].

Если верить описанным обстоятельствам, то точную дату смерти Гольца определить не представляется возможным. Р. Фрид указывает 3 марта [11, с. 8], в другом источнике иначе — 4 марта [3, с. 29]. Достоверно известно лишь одно: последние 6 песен композитора были опубликованы уже посмертно — в пятом и шестом сборниках «Песен Краснознаменной Балтики».

Литература

1. Крюков А. Н. Музыка в городе-фронте. Л.: Музыка, 1975. 176 с.
2. Крюков А. Н. Музыка в кольце блокады. М.: Музыка, 1973. 158 с.
3. Ленинградские композиторы. Краткие биографии / под ред. М. А. Глуха. Л.; М.: Гос. муз. изд-во, 1950. 135 с.
4. Лившиц А. Жизнь за Родину свою. М.: Музыка, 1964. 334 с.
5. Музыка на фронтах Великой Отечественной войны / ред. и вст. ст. Г. Пожидаева. М.: Музыка, 1970. 255 с.
6. Музыка продолжала звучать. Ленинград. 1941–1944. Л.: Музыка, 1969. 176 с.
7. Никитина Л. Два сочинения Бориса Гольца // Памяти погибших композиторов и музыковедов 1941–1945. Вып. 1. М.: Советский композитор, 1985. С. 98–110.
8. Песегова А. Концерт из произведений В. В. Пушкина в консерватории // Musicus. 2013. № 2. С. 49–50.
9. Работа композиторов и музыковедов Ленинграда в годы Великой Отечественной Войны. Л.: Искусство, 1946. 88 с.
10. Советские композиторы. Вып. 1. Л.: Тип. им. Ивана Федорова, 1938. 96 с.
11. Фрид Р. З. Борис Григорьевич Гольц. Очерк жизни и творчества. Л.: Советский композитор, 1960. 38 с.
12. Чулаки М. Ленинградская композиторская молодежь // Советская музыка. 1940. № 10. С. 80–81.